И. Григорьева

Жизнь и смерть семьи Пинкензон

В Усть-Лабинске имя маленького скрипача, сыгравшего на скрипке буквально на краю могилы, известно практически каждому. Шестиклассник Абрам Пинкензон, которого мама звала Абрамуся или Муся, снискал себе бессмертие, сыграв перед казнью «Интернационал».

В усть-лабинском музее Мусе посвящён целый стенд, однако касается он в основном подробностей гибели мальчика и его семьи. Это и понятно – Пинкензоны не местные, эвакуированные в станицу Усть-Лабинскую из молдавского городка Бельцы. Мы постарались разыскать людей, лично знавших семью маленького героя. Это сестры Валентина и Любовь Вартановы. Старшая – Валентина, училась в одном классе с Мусей, более того, сидела с ним за одной партой и жила в доме по соседству. Младшая – Люба, была на 5 лет младше Вали и Муси, но хорошо помнит всю семью. Сегодня они уже глубоко пожилые люди, но как это часто бывает, забывается недавнее, но то, что произошло десятилетия назад, помнится хорошо.

Любовь Николаевна:

– Почему-то нигде не упоминается, что у Муси была ещё младшая сестра, кажется, ее звали Эля, которая ещё не ходила в школу. Очень хорошо её помню, чёрненькая, кудрявая, с двумя косами. Каждая коса – толщиной в три пальца. Она постоянно играла с нами, а по станице гуляла, крепко держась за Мусину руку. Жили они на улице Демьяна Бедного, дом, кажется, 169, у дяди Пети Калёнова. Дом был большой, длинный, с соломенной крышей. Его давно снесли, на его месте выстроены пятиэтажные дома (угол улиц Ленина и Демьяна Бедного).

Валентина Николаевна:

– Так как мы учились в одном классе, а жили рядом, как-то раз к нам пришла мама Муси (Феня Моисеевна) и попросила меня, чтобы в школу и домой мы ходили вместе с её сыном. Об этом не принято говорить, но, когда он пришёл в наш класс, местные мальчишки его постоянно дразнили и лезли драться. Мне приходилось отбивать Мусю от хулиганов портфелем, поскольку сам он был очень робкий и стеснительный. Кончилось всё тем, что мама Муси пошла к директору, и тот устроил по этому поводу большое разбирательство. Тогда только мальчишки от него отстали.

Любовь Николаевна:

– Я очень хорошо помню их бабушку. Такая добрая, милая и аккуратная была старушка. Ей было уже за 80, волосы седые, почти белые. Она часто приходила к нашей маме, они подолгу беседовали. Иногда Мусина бабушка, бывало, по-соседски,

спрашивала соль, спички, ещё что-то. Мама всегда давала. Мать и отец Муси никогда к нам не заходили, видимо, стеснялись своей бедности.

Валентина Николаевна:

– В школе мы сидели за партой возле окна. У Муси была привычка всегда брать с собой скрипку и на уроках класть футляр на подоконник. На перемене он доставал её и играл. Кстати, он не только на скрипке играл, но и на фортепиано. В школе был инструмент, и как-то раз он сел и сыграл вальс «Дунайские волны». Вокруг него все столпились, даже старшеклассники, слушали.

Любовь Николаевна:

– Сдал Пинкензонов немцам полицай К. Он часто приходил к нам в дом, так как до войны был знаком с нашим отцом и видел, как мы играли с Мусей. Тот вечер, когда забрали семью Пинкензон, я помню хорошо. Распоряжался всем тот самый К. Всех – родителей, бабушку, Мусю и его младшую сестрёнку выволокли на улицу. Родители вынесли с собой наспех связанные в тюк вещи, думали, что их в другое место перевозят. Однако полицаи стали хватать людей и швырять на подводу. Из домов высыпали соседи. Все плакали, они-то понимали, куда их везут.

Валентина Николаевна:

– Их увезли в тюрьму на крепости, где продержали несколько дней. Мы, одноклассники и соседи, собирали продукты и приносили к тюрьме, через маленькое окошко в подвале передавали Мусе. Он брал и относил в угол большой камеры, где сидела его семья. Кстати, и там Муся играл на своей скрипке так, что слушала даже охрана. А спустя несколько дней мы узнали, что Мусю и его семью повезли на расстрел, на берег Кубани. Мы побежали туда и через дыру в заборе всё видели. Полицаи нас отгоняли, но мы всё равно не ушли. Людей согнали к вырытой заранее могиле, на край которой положили доски, чтобы расстрелянные сами падали вниз. Люди сильно кричали, плакали, бились в истерике, но убежать было невозможно – кругом автоматчики, полицаи и цепные собаки, которые непрерывно лаяли. Я слышала, как один из полицаев увидел скрипку и сказал Мусе: «Ну что, может, сыграешь перед смертью?» Муся достал скрипку и заиграл. Я не сразу поняла, что он играет «Интернационал». Сразу же началась суматоха, а вскоре мы услышали выстрелы, автоматную очередь и дикие крики.

Мы оставались там до конца. Когда полицаи стали засыпать могилу, ещё слышны были стоны. Да и потом еще несколько дней земля дышала, слышно было, как будто что-то сыплется. Это оседала земля.

Любовь Николаевна:

– После войны полицая К. посадили на 10 лет, потом выпустили. Однажды я пришла домой и увидела, как он в саду разговаривает с моим отцом. Он меня подозвал, но я не подошла. Я хорошо помнила, как он обошёлся с Мусей и его семьёй.

О том, что было потом, рассказывает директор Усть-Лабинского историко-краеведческого музея Татьяна Игнатова:

– В феврале 1943-го станицу Усть-Лабинскую освободили советские войска. Вскоре местные жители решили похоронить погибших – семью Пинкензон и ещё 380 человек, расстрелянных в тот день, по-человечески. Неглубокую братскую могилу, куда тела были сброшены как попало, вскрыли. Тела перезахоронили с почестями. Над братской могилой поставили памятник. А спустя 30 лет после описанных событий, в начале 70-х годов прошлого века, усть-лабинец Виктор Сметанин изготовил новый большой гранитный обелиск, который и был установлен вместо прежнего.

Давно закончилась война… Среди живых совсем мало осталось свидетелей того страшного времени. Если кто-то из наших читателей готов поделиться своими воспоминаниями, подробностями, а может даже фотографиями, мы рады будем выслушать каждого.

Публикуется по: Григорьева, И. Жизнь и смерть семьи Пинкензон // Сельская новь. – 2014. – 21 июня (№ 66). (http://gorod-ust-labinsk.ru/about/info/news/3317/).